

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ «ОТДЫХАЮЩЕГО» РОССИЯНИНА. РЕГИОНАЛЬНЫЙ ТУРИЗМ РОССИИ

Рассмотрены основные характеристики представителя российских регионов как субъекта отдыхающего, а именно интерес к безлюдным заповедным местам, основанный на языческом архетипе простора, дали, и еще не сформированная искусственно созданной городской средой экологическая этика. Современное развитие туризма в регионах России напрямую зависит от формирования экологической культуры в сознании россиян, но устоявшиеся практики и традиции организации отдыха требуют вмешательства на государственном уровне. Хорошим примером для достижения этой цели, при правильном использовании современных информационных ресурсов, может служить многовековой опыт россиян, где на мировоззрение и поведенческий кодекс оказывают влияние шаманизм и язычество.

Ключевые слова: региональный туризм; экологическая этика; регионы России; культура повседневности; постфольклор; русская культура.

Современный региональный туризм в России еще не настолько развит как, например, туризм в крупных городах, таких как Москва и Санкт-Петербург, но постепенно набирает обороты. В большинстве своем ставки делаются на рекреационную и, как следствие, природопользовательскую составляющую туристического потенциала российских заповедников, поэтому региональные точки скопления туристов расположены в охраняемых заповедных местах.

В основном это касается прибайкальской зоны, так как она постепенно становится все доступнее для отдыхающих.

Одной из серьезных особенностей, влияющих на численность и на качество туризма российских регионов, являются дороги, и, как следствие, труднодоступность многих заповедных мест. Более того, в России все еще остались места, практически не тронутые человеческой преобразовательной деятельностью, т.е. с естественным самобытным ландшафтом, что также оказывает воздействие на теневую рекламную кампанию такого вида туризма: чем более «дикие» и безлюдные места, тем привлекательнее они кажутся для отдыхающих, тем доступнее кажется достижение желаемой цели, никакие препятствия в виде дороги и утомительного непредсказуемого пути не представляются помехой для кратковременного досуга.

Нельзя не отметить влияние глобализационных и информационных процессов на возрастающий интерес к региональному российскому туризму. Социальная география отмечает тот факт, что в России места действительно труднодоступные, но с появлением неонамадов, которые в настоящее время имеют возможность работать удаленно и при этом находиться в постоянном движении путешествуя, составление маршрута по проблематичным местам становится практикой коллективной. В настоящее время можно не только связаться напрямую с местными проводниками через социальные сети, но и передать эту информацию мгновенно большому количеству интересующихся данным вопросом людей. Также прямо на месте, используя GPS-навигатор, можно проложить маршрут, изучить историю местности при наличии Интернета.

Неонамадическое движение появилось сравнительно недавно. Этимологические истоки заложили в

свое время Ф. Гваттари и Ж. Делез в своем трактате «О номадологии», где впервые начинают говорить о «номадах» (nomads (англ.) – «странник», «кочевник», «путешественник») как о «человеке будущего», «человеке перехода» [1]. В концепции постмодерна номад сам по себе является предельным состоянием, т.е. чистой формой, а именно целью космогенеза. В состоянии вписываться в любое содержание и достигать любой формы, будучи чистой формой, номад не закреплён нигде и свободен сам по себе. В реалиях современного технологического прогресса глобализация и миниатюризация создают благоприятные условия для свободного передвижения номада. В настоящее время существует большое количество способов кочевания без проблем и лишних затрат. Отказываясь от услуг туроператоров, индивидуальные путешественники едут «покорять мир», используя современные интернет-порталы и доступную глобальную сеть, создавая тем самым новые туристические практики.

Все эти процессы идут в том направлении, в каком их запрограммировали постмодернисты, возводя на пьедестал номада как будущего героя человечества, а именно по пути освобождения от мира материального к миру духовному. То есть все неонамады, используя в своих скитаниях интернет-порталы для облегчения передвижения, минимум свободны от материальных затрат. Более того, солидный бюджет уже не является определяющей хорошей поездки. Хорошее путешествие в настоящее время идентифицируется с теплым гостеприимством, духовным единством с окружающей средой, которую номад видит впервые, а также с новыми людьми.

Те же самые ожидания мы увидим у каждого третьего отдыхающего вне зависимости от выбора места отдыха (будь то другая страна, соседний регион или окраина родного города). В основе субботней семейной поездки за город на пикник всегда будет присутствовать рекреационная функция, хоть и психологического характера.

Зачастую подобные поездки принято проводить в сопровождении с мангалом и алкоголем. Отчасти поэтому принято считать, что культура среднестатистического отдыхающего россиянина и вовсе походит на «антикультуру» в своем ценностно-этическом представлении и уже принимает национальный размах без

какого-либо деления на культуру провинциальную либо столичную. Почему у нас такое специфическое отношение к отдыхающим соотечественникам?

Во-первых, нельзя не учесть тот факт, что большая часть туристических мест на территории России, как было отмечено ранее, – места заповедные. И легкодоступная в этой связи ближайшая местность с природным «оазисом» быстро становится временно заселяемой в хорошую погоду и сезон. Но из-за определенных ощущений пространства обширных малонаселенных территорий понятие экологической этики в массовом сознании россиян еще не укрепилось. Сам процесс формирования и внедрения экологической этики в массовый обиход и соответствующие ей практики по сохранению и охране культурной среды, а также определенной поведенческой стратегии на местах отдыха, должен решаться на государственном уровне. Как показывает практика, трудами немногочисленных активистов в области экологической этики можно добиться положительных результатов лишь в европейской части России, где в непосредственной близости отголоски громких призывов европейской пропаганды в области экологии оказывают соответствующее влияние на сознание и наших соотечественников.

Более того, экологическая этика в российском менталите городского жителя не подкреплена соответствующими культурными практиками: в силу своих религиозных убеждений особое отношение к природе и природопользованию наблюдается в тех регионах России, где распространен буддизм и шаманизм.

Во-вторых, существенным объяснением может служить сама субурбанистическая культура праздника и досуга жителей российских регионов. Традиция проведения свободного летнего времени «на природе» по форме представляет собой событие пикника, но по своему содержанию несет в себе рекреационную функцию.

Традиция «вылазок на природу» у россиян появилась не так давно. Предположительно, происходит это после Второй мировой войны в период стремительной урбанизации. Жители деревни покидали свои родные края и были вынуждены обосноваться в городах. Индустриализация в СССР набирала стремительные обороты, города активно застраивались, на окраинах один за другим вырастали так называемые рабочие кварталы, способствуя тем самым расширению городов. Сами города перестают «озеленяться», а урбанистический пейзаж, за неимением места «вширь», начинает развиваться «ввысь».

Облик деревни также меняется. «Старая деревня с ее церковью на самом видном месте, с ее лучшими домами урядника, попа, кулака на первом плане, с ее полуразваленными избами крестьян на заднем плане начинает исчезать. На ее место выступает новая деревня с ее общественно-хозяйственными постройками, с ее клубами, радио, кино, школами, библиотеками и яслями, с ее тракторами, комбайнами, молотилками, автомобилями...

Исчезает противоположность между городом и деревней. Город перестает быть в глазах крестьян

центром их эксплуатации. Все крепче становятся нити хозяйственной и культурной смычки между городом и деревней...» [2. С. 51–52].

Все это подтверждает также и появление поселков городского типа. Но это лишь основные моменты, которые происходили с городской структурой как пространством для жизнедеятельности людей. То, что по факту происходит с самими людьми, которые, оторванные от своего деревенского быта, оседают в городе, – они ассимилируются с городским населением, но не полностью.

Жажда «раздолья», «широкого поля», живого уголка представляет собой в настроениях людей новой эпохи своеобразный архетип. Филолог Т.С. Медведева проводит конкретную параллель между частым использованием в русской художественной литературе, а также фольклоре и обыденной речи таких терминов, как «ширь», «раздолье», «простор», «даль», с российским менталитетом и отношением русского к пространству в целом [3. С. 145–151].

Соответственно, архетип шири, раздолья в менталитете русского человека обуславливает традицию его времяпровождения. Об особенном двойственном отношении к собственной природе как показателе русской дуальности заявлял профессор Н.М. Инюшкин, утверждая, что «в типе русского человека всегда сталкиваются два элемента – первобытное, природное язычество, стихийность бесконечной русской земли и православный, из Византии полученный аскетизм, устремленность к потустороннему миру» [4. С. 30].

Существенный показатель того, что архетип языческого отношения к природе, но в видоизмененном – православном – контексте, существует до сих пор, отражается не только в наших культурных практиках повседневности, но и в обыденной народной речи. В.О. Ключевский, рассматривая русскую культуру как целостную систему, внутри которой элементы действуют по собственным законам, объясняет причинно-следственную связь таких русских выражений, как «авось», наклонность дразнить судьбу и играть в удачу: «Природа Великороссии не давала человеку надежды на то, что ее когда-то удастся “приручить”, “одомашнить”» [5. С. 63]. И на этом особенном восприятии природы строится базис русского человека как «субъекта отдыхающего».

Нечто живое – природа, свойственно другому живому – человеку – настолько, что может даже вызывать чувство ностальгии – чувство, на котором, например, базируется феномен дачи в послевоенном советском культурном пространстве. Дача как традиция летнего времяпровождения – одна из форм «вылазки на природу», в то время как отдых на природе россиянина вне предела чьей-либо собственности представляет собой уже маршрут туристический.

Туристической местность – островок нетронутой природы – может именоваться тогда, когда в этом месте целенаправленно и организованно совершают процесс «вылазки на природу» индивидуальные субъекты, формируя при этом целостную группу отдыхающих. Именно в этом контексте мы можем рассматривать определенное место как туристическое. Возвращаясь к

тому, о чем было сказано выше, отметим, что такого рода деятельность осуществляется с целью рекреации. Общественная потребность в социальной рекреации может быть вызвана прежде всего периодическими накоплениями усталости организма человека, а следовательно, периодически возникает физиологическая или психологическая потребность в регенерации сил и энергии [6. С. 10]. И в данном аспекте мы снова сталкиваемся с проблемой отдыха, в первую очередь, рабочего городского населения, говоря о социальной рекреации на местах периодического отдыха.

Возвращаясь к оценке того, какие места периодического отдыха становятся центрами массового досугового и праздничного времяпровождения, необходимо отметить, что зачастую это могут быть и заповедные места. Так как выбор загородного места отдыха – процесс пока еще плохо организованный на государственном уровне и хаотичный, являясь туристическим по своей сути, но бесконтрольным по отношению к деятельности отдыхающих, рекреационная функция в данной системе постепенно истощается, становясь одноразовой.

«Слабый учет рекреационных ресурсов, наблюдавшийся в последние десятилетия, нашел отражения и в диспропорции регионального развития.

Ошибки регионального планирования складываются не сразу. Недоучет традиционного образа и уклада жизни, игнорирование сложившегося характера общественного разделения труда могут десятилетиями служить тормозом социального прогресса нации.

Такой неучет климатических и природных особенностей местности, ее рекреационных ресурсов внес свою лепту в формирование обезличенной социальной политики нашего государства в послевоенные годы. Повсеместная повальная индустриализация, химизация сельского хозяйства, крупномасштабные вмешательства в экосистему нанесли немалый ущерб и курортным зонам нашей страны. Во многих других странах мира они являются заповедными уголками, охраняется и воссоздается их уникальный ландшафт, не ослабляется, а усиливается сознательной деятельностью человека по их восстановлению и воспроизводству. Рекреационный потенциал – эффективное средство укрепления здоровья людей» [Там же. С. 13]. Таким образом, несостоятельность экологического воспитания среднестатистического россиянина обусловливается не культурной особенностью, а недостаточным вниманием со стороны государства к организации мест отдыха соотечественников.

Сам рекреационный процесс «вылазки на природу» обычно не обходится без музыкального сопровождения. Для этой цели обычно служат динамики аудиосистемы автомобилей или переносные аудиоприборы. Комфортно организованным для отдыхающих пространство является такое пространство, которое не граничит с другой такой же группой отдыхающих.

Реабилитационная функция громкой музыки на природе для отдыхающего представителя российского региона – одно из явлений постфольклора. Постфоль-

клор (термин С.Ю. Неклюдова [7. С. 113–123]) имеет непосредственное отношение к культуре современности и к «человеку перехода». Отличительные особенности постфольклора по отношению к музыке идентифицируются с трансформацией активного народного творчества в творчество пассивное. То есть аудиосопровождение как необходимая составляющая отдыха на природе есть не что иное, как процесс коллективного творчества, его досуговая деятельность. Если раньше для восстановления сил, как физических так и психоэмоциональных, люди использовали совместное песнопение, то сегодня такой вид народной деятельности заменяется на свою пассивную форму – коллективное прослушивание аудиозаписей.

Таким образом, под воздействием формирования постфольклорной традиции, а также глобализационных и информационных процессов образ российского отдыхающего деформируется, все же сохраняя при этом характерные для туриста выходного дня особенности, а именно тяга к природе, больше к заповедным и «диким» местам; желание пассивного отдыха вдали от таких же групп отдыхающих; преодоление любых дорожных и транспортных препятствий на пути к месту кратковременного отдыха; гонка за конечным продуктом.

На становление нового типа российского туриста также влияет информационная интернет-доступность, где в свободном доступе можно найти алгоритм прохождения труднодоступных мест, которых в России много, где наблюдается минимальная туристическая проходимость и при этом максимальная возможность уединенного отдыха. Неономадическое движение также проявляет большой интерес к заповедным местам России. Опять-таки стремительно развивающиеся информационные процессы позволяют местным жителям организовывать индивидуальные туристические маршруты, где они могут выступать в качестве проводников, способствуя тем самым саморекламе.

Российская особенность восприятия пространства как дали, раздолья, о чем свидетельствуют многочисленные научные работы филологов и философов, формирует своеобразное отношение отдыхающего россиянина к природе. Базируясь на язычестве как на архетипе русского народа, в современных реалиях безмерное пользование, казалось бы, неисчерпаемых природных ресурсов, злоупотребление «широтой» границ российских просторов с такой же «широтой души» и размахом, реализуясь в качестве субъекта отдыхающего, в кодексе поведения русского человека как части русского менталитета все еще отсутствует или почти отсутствует понятие и принятие экологической этики. Хотя экологическая этика – задача государственного уровня, вопрос о природопользовании, потребительском отношении к кратковременным местам отдыха, а также хаотичном потоке отдыхающих в заповедные места становится с каждым годом все более актуальным. Но в конкретном вопросе несправедливо было бы не отметить, что в тех регионах России, где все еще распространены язычество и шаманизм, экологическая этика является составной частью культурных практик повседневности. Недостаток

экологического воспитания наблюдается в основном, у представителей городской культуры, по большей части, провинциальной городской культуры.

Само по себе понятие городской культуры является для российской идентичности феноменом несколько условным в связи с искусственным формированием элементов данной культуры и огромным влиянием

кровнородственных связей, которые в определенном поколении будут зиждиться в природной местности, далекой от городской среды. О российском, особенном языческом, архетипе свидетельствуют не только примеры из обыденной речи, но и наличие «дачников» как пример городских жителей, отдыхающих на природе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения // Тракта о номадологии. М., 1980.
2. Сталин И. Отчетный доклад XVII съезда партии. М.: Партиздат, 1934. С. 51–52.
3. Медведева Т.С. Концепт пространства в русской и немецкой лингвокультурах // Вестник Удмуртского университета. 2010. Вып. № 5–4. С. 145–151.
4. Иношкин Н.М. Провинциальная культура: взгляд изнутри. Пенза, 2004. С. 30.
5. Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. М., 1987. Т. 1. С. 63.
6. Орлов А.С. Курортная зона – социологический анализ. М., 1990. С. 10, 13.
7. Неклюдов С.Ю. Фольклор современного города // Ученый совет РГГУ 1997–1998. Сборник документов. М., 2000. Вып. 7. С. 113–123.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 5 октября 2015 г.

THE CULTURAL CHARACTERISTICS OF A RUSSIAN HOLIDAY-MAKER. REGIONAL TOURISM OF RUSSIA

Tomsk State University Journal, 2015, 400, 138–141. DOI: 10.17223/15617793/400/22

Shchinova Daria D. Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: dariaschinova@yahoo.com

Keywords: regional tourism; ecological ethics; regions of Russia; culture of everyday life; post-folklore; Russian culture.

This article describes the main characteristics of a representative of the Russian regions as a holiday-maker, namely: interest in a deserted nature-based pagan archetype of space, and not in artificially created urban environment ecological ethics. The modern development of tourism in the Russian regions depends on the formation of ecological culture in the minds of Russians, but well-established practices and traditions of recreation require intervention at the state level. A good example to achieve this goal, with the right use of modern information resources, can be a centuries-old experience of Russians influenced by shamanism and paganism. The purpose of this article is to assess the state of Russian tourism and to identify the practices of the modern travel subject, that is a holiday-maker of Russian regions. The scope of this study covers the Russian regions, but excludes practices of inhabitants of Moscow and Saint Petersburg. Through the observation method, as well as through a comprehensive consideration of the processes occurring in the culture of the Russian regions, it was possible to identify the characteristics of the contemporary holiday-maker. Namely, the vastness, the spaciousness and originality of Russian nature landscapes currently attract much attention of neonomads for the cultivation of the modern space. Neonomads are the direct consequence of globalization and informational processes that make wild places more accessible for tourism. Due to the lack of traditions of ecological ethics, the behavior of Russian "holiday-makers" is usually attributed to "anti-cultural" manifestations, with the exception of regions where Buddhism and shamanism are spread, a consequence of their religious grounds is reverent attitude to nature and the environment. Rest in reserved places has a recreational function, and it is transformed from active forms into passive ones. The ritual of the rest on the landscape for recreational purposes is based on the archetype of the Russian feeling of wide open space and expanse, of the feeling of the Russian environment. This archetype is ambivalent: on the one hand, it has pagan roots, on the other hand, it has a superimposed Orthodox context. On the basis of the observations made, the conclusions of this study are that the formation of environmental ethics in the minds of modern holiday-makers of the Russian regions is necessary, but it can be feasible only at the state level. And the mark of the anti-culture of the Russian holiday-maker is based on old practices accepted by the tradition of the Russian expanse. Information processes and globalization have a direct impact on the transformation of tourism in the Russian regions. Despite the inaccessibility of many of the protected places, at the same time these processes of modification, as a result, involve as many "wild" areas as can be involved in tourism. However the incompetence in the management and organization of touristic recreation remains the problem of insufficient environmental ethics of an average Russian holiday-maker.

REFERENCES

1. Deleuze, G. & Guattari, F. (1980) *Kapitalizm i shizofreniya. Traktat o nomadologii* [Capitalism and Schizophrenia. Treatise on Nomadology]. Moscow.
2. Stalin, I. (1934) *Otchetnyy doklad XVII s"ezda partii* [Progress report of the XVII Congress of the Party]. Moscow: Partizdat.
3. Medvedeva, T.S. (2010) The concept space in Russian and German linguistic cultures. *Vestnik Udmurtskogo universiteta – Bulletin of Udmurt University*. 5–4. pp. 145–151. (In Russian).
4. Inyushkin, N.M. (2004) *Provintsial'naya kul'tura: vzglyad iznutri* [Provincial Culture Insights]. Penza: Penzenskaya pravda.
5. Klyuchevskiy, V.O. (1987) *Sochineniya v devyati tomakh* [Works in nine volumes]. V. 1. Moscow: Mysl'.
6. Orlov, A.S. (1990) *Kurortnaya zona – sotsiologicheskii analiz* [The resort area: a sociological analysis]. Moscow: Nauka.
7. Neklyudov, S.Yu. (2000) Fol'klor sovremennogo goroda [Folklore of the modern city]. *Uchenyy sovet RGGU 1997–1998. Sbornik dokumentov*. 7. pp. 113–123.

Received: 05 October 2015